

Скальковский К. А.

В Париже

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
К11

К11 **К. А. С.**
В Париже / Скальковский К. А. – М.: Книга по Требованию, 2025. – 365 с.

ISBN 978-5-519-73735-7

ISBN 978-5-519-73735-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Глава XII-я моей книги, когда явилась въ фельетонѣ «Новаго Времени», вызвала цѣлую бурю, редакція получила нѣсколько писемъ, а петербургская нѣмецкая пресса пришла въ ярость. Несомнѣнно, что Сень-Сиръ, какъ французъ, посмотрѣлъ на нѣмецкихъ женщинъ исключительно съ точки зрѣнія моды, наружнаго изящества, пикантности, обольстительности и всего того женскаго арсенала, которымъ преимущественно обладаютъ дамы, а между дамами преимущественно французенки.

Защищая фельетонъ, А. С. Суворинъ написалъ блестящее письмо въ защиту нѣмокъ, изъ котораго не могу отказать себѣ въ удовольствіи привести слѣдующій отрывокъ:

Неужели въ самомъ дѣлѣ необходимо, чтобъ жена была любовницей, чтобъ она умѣла одѣваться, знала бы тайны туалета, не носила бы тиковыхъ корсетовъ и чулокъ до колѣнъ? О многихъ ли русскихъ дамахъ можно сказать, что онѣ прекрасныя хозяйки и хорошія жены? А французъ это сказалъ вообще о нѣмецкихъ женщинахъ. Неужели главное достоинство женщинъ заключается въ томъ, чтобъ хорошо одѣваться, знать всѣ тайны туалета, быть хорошей любовницей, носить шелковые корсеты, чулки выше колѣнъ и какъ можно меньше рожать дѣтей, чтобъ свободнѣе предаваться всѣмъ удовольствіямъ жизни? Вѣроятно, это и есть женскій идеалъ... какъ самый удобный и разнообразный для мужчины. Мужчина говоритъ: «Я ужасно избалованъ и требователенъ, я люблю природу только подкрашенную, усовершенствованную, я люблю батистъ, шелкъ, я люблю усовершенствованное кокетство и проч., а потому, о женщина, старайся объ этомъ. Если объ этомъ не будешь стараться, ты сдѣлаешься смѣшною». И дамы стараются другъ передъ другомъ, чтобы какъ можно пріятнѣе показаться мужчинамъ. Но нѣмки объ этомъ стараются мало, и вотъ онѣ виноваты...

Нѣмка пьетъ пиво. Увы, пьетъ. Это отвратительно. Но если бы нѣмка пила шампанское—это было бы увлекательно. По крайней мѣрѣ французъ не поставилъ бы ей этого въ вину. Повидимому, какая малость—пиво и шампанское, а женщина, употребляющая шампанское, выше женщины, употребляющей пиво. Вотъ вамъ логика этихъ усовершенствованій!.. У нѣмецкой дѣвушки красныя руки, потому что она готовитъ на кухнѣ. Она плохая кухарка, но все-таки кухарка и никогда не скажетъ, что булки растутъ въ полѣ. Она экономна, она, выйдя замужъ, старается не выйти изъ мужнина бюджета и ведетъ хозяйство образцово. Но все это не важно. Какая же она женщина, когда носить красныя фланелевыя юбки, чулки до колѣнъ и тиковые корсеты!

Давайте намъ женщину изящную, съ прекрасными ручьями, съ восхитительною ножкой, одѣтую по послѣдней модѣ, тонкую

кокетку, обольстительную, прекрасную любовницу—вотъ это прелестно! Пусть она будетъ плохой хозяйкой, пусть она избѣгаетъ рожать дѣтей, какъ Божьяго наказанія, но пусть она будетъ дамочкой пріятной во всѣхъ отношеніяхъ—вотъ это чудесно! Пусть она будетъ совсѣмъ легкаго нрава, но пусть она ведетъ свои амурѣ со всею ловкостью и изяществомъ — вотъ это превосходно!

Я пишу это не въ интересѣ нѣмокъ. Господь съ ними. Отъ роду я не зналъ ни одной нѣмки и судить о ихъ достоинствахъ и недостаткахъ не могу, но въ книгѣ француза я вижу, что нѣмки обладаютъ такими качествами, которыя дай Богъ имъ хранить и которымъ Германія много обязана. Я пишу это въ интересѣ массы русскихъ женщинъ, которыя носятъ тиковые корсеты или никакихъ не носятъ, которыя не знаютъ, что чулки надо носить выше колѣна, которыя не знакомы ни съ тайнами туалета, ни съ свѣжими парижскими модами, которыя рожаютъ дѣтей, сами ихъ кормятъ и воспитываютъ и стараются быть хорошими женами и хозяйками. Дай Богъ имъ здоровья, побольше дѣтей и поменьше досуга на то, что пишется, пикантности ради, не столько о женщинахъ, сколько о дамахъ.

Послѣдняя глава моей книги «Въ полусвѣтѣ» появилась ранѣе въ «Новомъ Времени» въ видѣ фельетона подъ названіемъ «Въ Парижѣ», хотя и въ нѣсколько искаженномъ видѣ. Она имѣла большой успѣхъ: весь номеръ «Новаго Времени», гдѣ фельетонъ былъ напечатанъ, разошелся безъ остатка, о фельетонѣ говорили и спорили цѣлую недѣлю, нѣкоторыя наши дамы стали даже мыть по пяти разъ въ день руки, считая это верховъ парижскаго шика. Статья содѣйствовала такимъ образомъ увеличенію сбыта мыла.

Но нашлись люди, которыхъ глубоко возмутило, что Фуфу мѣняетъ два раза въ день бѣлье. Эти нечистоплотные зоилы завопили благимъ матомъ. Одна петербургская газета, безуспѣшно искавшая обратить на себя вниманіе, напечатала велегрѣчивую передовую статью, начинавшуюся и оканчивавшуюся словами: «Берегите своихъ женъ и дѣтей! Берегите своихъ юныхъ сыновей!» и въ числѣ прочихъ нелѣпностей содержавшую слѣдующую фразу:

«Неужели такъ все и впредь будетъ и «Новое Время» попрежнему будетъ пользоваться исключительнымъ правомъ выставятъ на страницахъ своей газеты лицъ, живемъ схваченныхъ на улицѣ, въ клоакѣ цивилизаціи, въ гульбищахъ парижскаго развращеннаго общества?»

Какое ужасное, подумаешь, преступленіе живо изображать пороки и развращеніе?

Другая газета также настроила лиру въ грустномъ тонѣ и, скрывая подъ защитою нравственности зависть къ доходамъ «Новаго Времени», лицемерно замѣтила: «Мы не дѣти, и хорошо знаемъ, что на свѣтѣ бываютъ кокетки, что кокетки эти увлекаютъ большинство мужчинъ, что каждый заплатитъ или платитъ дань этой сторонѣ жизни, но нельзя же вовсе отрицать необходимость хоть нѣкоторой завѣсы на все это».

А одинъ моралистъ пошелъ еще далѣе и, поплакавъ о женщинахъ, «имѣющихъ возможность имѣть панталоны въ 1500 франковъ или рублей, если оплатить ихъ нашей пошлиной», пришелъ къ заключенію, до котораго никакой Кифа Мокіевичъ ранѣе не додумывался, а именно, что еслибы въ Парижѣ не было кокотокъ, то желѣзо въ Тульской губерніи было бы для мужиковъ гораздо дешевле нынѣшняго!

Я могъ бы въ отвѣтъ моимъ порицателямъ ограничиться словами Виктора Гюго, очень удачно, отвѣчая кому-то въ палатѣ въ 1849 г., перифразировавшаго слова Гейне: *Chacun a le droit d'être imbécile, mais il ne faut pas abuser de ce droit.*

Я не Викторъ Гюго, но дѣйствительно мои противники не имѣютъ права столь публично расписываться въ собственномъ тупоуміи.

Въ особенности нелѣпо завѣреніе, что литература должна игнорировать кокотокъ и публичныхъ женщинъ. Ставя такое положеніе, авторы вышеозначенныхъ писаній обличаютъ только свое глубочайшее невѣжество, а можетъ быть и лицемеріе, которыми, кстати сказать, издавна заражено все наше общество.

Не говоря уже о Библіи, гдѣ въ столькихъ мѣстахъ упоминается о падшихъ женщинахъ, и Евангеліи, гдѣ отведено блудницѣ одно изъ самыхъ трогательныхъ и высоко поучительныхъ мѣстъ, можно указать сотни и тысячи примѣровъ въ литературѣ всѣхъ вѣковъ и народовъ, гдѣ публичнымъ женщинамъ посвящены главы и цѣлыя книги.

Публичный домъ описанъ въ знаменитомъ высоконравственномъ романѣ Ричардсона «Кларисса Гарловъ», въ еще болѣе знаменитой «Nouvelle Héloïse» Жанъ-Жака Руссо, въ извѣстномъ романѣ Жюль Жанена «L'âne mort», въ рассказѣ Гоголя

«Невскій проспектъ». А сочиненія Гоголя даются у насъ въ награду гимназистамъ.

Кокоткѣ посвященъ одинъ изъ *chef d'oeuvre* овъ XVIII столѣтія «*Manon Lescaut*» аббата Прево, какъ и одинъ изъ лучшихъ романовъ XIX столѣтія—«*La dame aux camélias*» Дюмасына. Можно бы перечислить десятки и сотни подобныхъ произведеній.

Такъ не смѣшны ли господа, которые, проповѣдуя мораль, живутъ со своими кухарками, находя это нравственнымъ, ибо это обходится дешевле, чѣмъ жить съ кокотками, или, принимаясь поучать общество, собственныхъ женъ морятъ голодомъ и складываютъ еще на нихъ обязанность воспитывать своихъ дѣтей.

Видѣть въ моемъ очеркѣ что-нибудь скабрезное надобно было или при предвзятой мысли или при особомъ недомысліи. Напротивъ, изъ моего описанія ясно слѣдовало, что любовь, а тѣмъ болѣе развратъ не играетъ ровно никакой роли въ жизни выдающихся дамъ полусвѣта; у нихъ все направлено на тряпки, т. е. исключительно на удовлетвореніе тщеславія. Это, дѣйствительно, какія-то дорогія вѣшалки для дорогихъ платьевъ, которыя богатые дураки нанимаютъ, чтобы публика, зная, какъ дорого обходится обладаніе подобными дамами, считала обладателей ихъ крезами.

Что предосудительнаго отмѣчать подобную человѣческую слабость и представлять читателямъ, конечно не гимназическаго возраста, эту страничку общественной фізіологіи. Если же литературу низводитъ до уровня чтенія институтокъ и кадетъ, то придется отказаться отъ всякой литературы. Все это, впрочемъ, такъ ясно, что не стоитъ и тратить словъ на доказательства.

Можно бы, вмѣсто кокотокъ, описывать исключительно эмансипированныхъ женщинъ, благо ихъ теперь и въ Парижѣ расплодилось не мало, вслѣдствіе проповѣди такъ называемаго феминизма, но я, грѣшный человѣкъ, остаюсь при мнѣніи, выраженномъ нѣкогда Джонсономъ, что «ученая женщина все равно, что собачка, ходящая на заднихъ лапкахъ. Это можетъ быть курьезно, но вовсе не красиво».

ПРЕДИСЛОВІЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ.

Книга моя, хотя изданная нѣсколько несправно, разошлась очень быстро. Успѣху ея не повредили ни лѣтняя жара, ни молчаніе печати.

Въ Парижѣ, впрочемъ, гдѣ я скорѣе могъ ждать суровую оцѣнку, книга моя была встрѣчена очень сочувственно. Одна изъ серьезныхъ ежедневныхъ газетъ помѣстила цѣлый фельетонъ, содержащій весьма лестный обзоръ моей публицистической дѣятельности. Другая газета перевела въ пяти фельетонахъ главу «Въ полусвѣтѣ» и предислала ей очень сочувственную замѣтку, называя меня «un vrai Parisien par la finesse de l'esprit et la surété de ses informations», а въ другомъ мѣстѣ «un observateur doué du sens le plus subtil et le plus profond».

Такіе комплименты не въ нравахъ русской печати. У насъ книги или замалчиваютъ, или ихъ ругаютъ напропалую. Въ какомъ-то нижегородскомъ листкѣ былъ помѣщенъ фельетонъ, гдѣ я и моя книга были покрыты грязью.

Какое отношеніе имѣетъ нижегородская пресса къ Парижу?

Что ему Гекуба

И что Гекубѣ онъ?

могутъ спросить съ удивленіемъ читатели. Но въ нижегородской прессѣ, очевидно, участвуютъ въ свободное отъ ярмарочнаго времени крючники, которые не могутъ не ругаться. А такъ какъ тасканіе на головѣ десяти-пудовыхъ кулей спрессовало ихъ мозги, то можно себѣ представить сколько остроумія въ этой ругани.

Но такъ какъ *un sot trouve toujours un plus sot qui l'admire*, то и нижегородская брань нашла отголосокъ въ органѣ петербургскихъ старшихъ и младшихъ дворниковъ въ «Сынъ Отечества». Газета эта перепечатала самыя грязныя мѣста нижегородскаго фельетона и облила ихъ еще собственными помоями. — «Нате, молъ, кушайте, милые читатели, на здоровье».

Вотъ, кажется, все, что появилось въ русской прессѣ о моей книгѣ, по крайней мѣрѣ все, что достигло до меня въ Парижѣ.

Въ новомъ изданіи я прибавилъ двѣ новыя главы, III и XIII. кромѣ того дополнилъ кое-что и въ другихъ главахъ, такъ что

бывшую главу VIII пришлось раздѣлить на двѣ. Мой пріятель г. Онѣгинъ, живущій болѣе тридцати лѣтъ въ Парижѣ и знающій его досконально, былъ такъ любезенъ, что прочелъ очень внимательно мою книгу и исправилъ всѣ вкравшіяся въ нее маленькія ошибки и противорѣчія, за что я и приношу ему мою искреннюю благодарность.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ЧЕТВЕРТОМУ ИЗДАНІЮ.

Въ новомъ изданіи книги значительно дополнены VII, VIII и IX главы и сдѣланы кое-какія прибавки въ нѣкоторыхъ другихъ главахъ.

I.

Публичное чтеніе во время войны.

Въ № 261 «Биржевыхъ Вѣдомостей» въ 1872 г. неизвѣстный авторъ, описывая скандалъ, сдѣланный г-жѣ Андре Лео въ засѣданіи Лозанскаго конгресса мира по поводу прочитанной ею записки, оправдывающей Коммуну во взведенныхъ на нее обвиненіяхъ по убійствамъ и поджогамъ, замѣтилъ, что г-жа Андре Лео мѣняла не разъ фамилію и называлась прежде Олемпъ Одуаръ, подъ именемъ которой написала нѣсколько романовъ.

Объясненіе это принадлежало пылкой фантазіи автора. Всѣмъ извѣстно, что Андре Лео есть псевдонимъ одной изъ романистокъ Франціи, г-жи Шампсе (Champseix). Жена радикальнаго журналиста, она осталась въ 1861 г. молодою вдовою (28-ти лѣтъ) безъ всякихъ средствъ къ существованію и принялась за перо, подписываясь псевдонимомъ: André Léo—именами двухъ своихъ дѣтей. Въ 1862 году явился ея романъ «Un mariage scandaleux», который хотя сильно

напоминалъ жоржъ-сандовскую «Valentine», однако обратилъ всеобщее вниманіе талантомъ автора, смѣлостью и теплою. Съ тѣхъ поръ г-жа Шампе написала много романовъ и повѣстей, изъ которыхъ болѣе всѣхъ понравились «Deux filles de M. Plichon» и «Jacques Galeçon»; и выступила также, какъ публицистка, горячею защитницей женскаго вопроса. Какъ ни судить о дѣятельности г-же Шампе, но нельзя не признать, что это одна изъ самыхъ видныхъ литературныхъ личностей современной Франціи, составляющая рѣзкій контрастъ съ бульварными драматургами и романистами, идеализирующими кокетокъ.

Совершенно другой репутаціей пользуется г-жа Олемпъ Одуаръ (Audouard), значительно обязанная своею извѣстностью скандалу. Бросивъ своего мужа, скромнаго нотариуса, г-жа Одуаръ извѣздила Европу, Востокъ и Америку, написала нѣсколько книгъ и обратила на себя вниманіе публичными чтеніями въ Парижѣ, подъ покровительствомъ Дюма-отца, репутація котораго въ послѣдніе годы жизни была весьма сомнительна.

Изъ книгъ г-жи Одуаръ «Comment aiment les hommes» и «Guerre aux hommes» представляютъ рѣзкій обвинительный актъ противъ непрекраснаго пола, а «Les mystères du Sérail» имѣютъ цѣлью доказать, что положеніе женщинъ въ Турціи несравненно свободнѣе и почетнѣе, нежели въ Европѣ. Подобными парадоксами переполнены и другія сочиненія г-жи Одуаръ, которыя имѣли то, что называютъ фран-

цузы, *effet du scandale*, и разошлись во многихъ изданіяхъ.

Случайно познакомился я съ г-жею Одуаръ въ 1870 году въ Парижѣ, и такъ какъ это знакомство произошло при довольно оригинальныхъ обстоятельствахъ, то я позволилъ себѣ описать ихъ *), какъ матеріаль для характеристики настроенія Парижа въ началѣ войны. Читатель увидитъ, съ какимъ малымъ сочувствіемъ относились парижане къ войнѣ, которая окончилась для нихъ такъ печально.

Война кипѣла уже на рейнской границѣ; каждый день проходили по парижскимъ бульварамъ линейныя войска и мобили, отправлявшіеся на театръ войны; каждую ночь ходили по улицамъ нанятые, по всей вѣроятности, не въ мѣру усердной полиціей толпы гаменовъ и пьяныхъ рабочихъ, распѣвая съ гамомъ и свистомъ первый куплетъ марсельезы и крича à *Verlin!* Подъ звуки знаменитаго гимна ежедневно отплясывали канканъ и вальсъ веселые посѣтители *Мабиля* и *Closerie des Lilas*, какъ вдругъ было объявлено огромными афишами, наклеенными на всѣхъ углахъ Парижа, что г-жа Одуаръ прочтетъ лекцію объ участіи женщинъ въ войнѣ. Предметъ, казалось, былъ какъ нельзя болѣе современнымъ и подходящимъ.

Я ожидалъ большой толпы, читая въ «*Figaro*» описаніе ея прежнихъ конференцій, касавшихся болѣе

*) Въ письмѣ, помѣщенномъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ».

хлесткихъ вопросовъ, и заблаговременно запасся билетомъ; но, къ моему удивленію, ярко освѣщенная газомъ зала конференціи на бульварѣ des Capucines была совершенно пуста. Только нѣсколько англичанъ терпѣливо сидѣли, не шевелясь и не моргая, на своихъ стульяхъ. Потолокъ и стѣны залы были разрисованы небесными свѣтилами и мистическими знаками, показывая, что она служила прежде для собранія какой-нибудь франтъ-масонской логи.

Послѣ небольшого ожиданія, появился господинъ во фракѣ, ведя за руку г-жу Одуаръ, одѣтую въ изящное бальное платье, очень сильно декольтированное. Она была очень красива собою, роскошно сложена, имѣла прекрасные бѣлокурые волосы и вообще на видъ ей казалось не болѣе тридцати лѣтъ, хотя безпощадный «Вапрѹ» изобличалъ ее въ томъ, что ей уже подъ сорокъ. Разсѣвшись весьма кокетливо, расправивъ складки платья, поигравъ вѣеромъ и обшивкой своего декольте, снявъ перчатку и выпивъ немного сахарной воды, г-жа Одуаръ, не обращая никакого вниманія на совершенно пустой залъ, начала читать, или, вѣрнѣе, рассказывать содержаніе небольшой рукописи, написанной на изящной почтовой бумагѣ и лежавшей передъ нею.

Читала она очень хорошо, пріятно картавя и съ притворнымъ чувствомъ. Для сильнѣйшаго эффекта, окончивъ рукопись, она взяла извѣстную книгу Шеню и прочла въ ней описаніе поля сраженія подъ Сольферино. тономъ актрисы, убивающейся въ трагедіи